

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1 – 21.09

Е.А. Долгая, Н.Н. Филянина

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ Н.В. СТАНКЕВИЧА «ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ»

Долга О.О., Филянина Н.М.

ОБРАЗНА СИСТЕМА ІСТОРИЧНОЇ ТРАГЕДІЇ М.В. СТАНКЕВИЧА «ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ»

У пропонованій статті досліджується своєрідність образної системи історичної трагедії Станкевича «Василий Шуйський». Образи трагедії автори визначають як умовні образи, основу яких становить певна домінуюча риса людського характеру. Цим образам притаманна однолінійність, схематичність і статичність; зображення характерів ґрунтуються на гіперболі. Автори розвідки доходять висновку, що характер головних героїв трагедії зберігає карамзінський психологічний малюнок, який не відповідає історичній достовірності.

Ключові слова: історична трагедія, образна система, домінуюча риса характеру, однолінійність, схематичність, статичність, гіпербола, психологічний малюнок.

Долгая Е.А., Филянина Н.Н.

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ Н.В. СТАНКЕВИЧА «ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ»

В данной статье исследуется своеобразие образной системы исторической трагедии Станкевича «Василий Шуйский». Образы трагедии определяются авторами как условные образы, в основе которых лежит определённая доминантная черта человеческого характера. Эти образы характеризуются схематичностью и статичностью, изображение характеров трагедии строится на гиперболе. Авторы приходят к выводу, что в характере главных героев трагедии был сохранён карамзинский психологический рисунок, не соответствующий исторической достоверности.

Ключевые слова: историческая трагедия, образная система, доминантная черта характера, схематичность, статичность, гипербола, психологический рисунок.

Dolgaya E.A., Filanina N.N.

CHARACTER SYSTEM IN THE TRAGEDY “VASILY SHUMSKY”

BY N.V. STANKEVICH

The article deals with the originality of the character system in the historical tragedy “Vasily Shumsky” by Stankevich. The authors define characters of the tragedy as relative ones. They are based on a certain prepotent feature of human character. These types are single-line, sketchy, and static. The characters are shown with the help of hyperbole and overstatement. The authors come to the conclusion that in their temper the characters of the tragedy have Karamzin psychological pattern that did not correspond to the historical reliability.

Key words: historical tragedy, character system, prepotent feature of character, single-line character, sketchy character, static character, hyperbole, psychological pattern.

Литературное наследие Н.В. Станкевича (1813 – 1840), известного в истории русской литературы и культуры, прежде всего, как глава литературно-философского кружка, существовавшего в Москве в 1832 – 1840 годах, невелико: 41 стихотворение (в том числе переводы из Гёте), стихотворная трагедия «Василий Шуйский» (1830), диалог «Три художника» (1833), повесть «Несколько мгновений из жизни графа Z***» (1834).

Стихотворная трагедия Станкевича «Василий Шуйский» (1830) до настоящего времени не была предметом целостного монографического исследования. Отзывы на неё мы находим в рабо-

тах П.В. Анненкова, М.Я. Полякова, В.С. Нечаевой, С.И. Машинского, Г.Г. Елизаветиной, Ю.В. Манна, Б.Т. Удодова. Исследователи не рассматривали данную трагедию в историко-литературном контексте, не представили полной характеристики этого произведения. Цель данной статьи – анализ образно-художественного своеобразие трагедии Станкевича «Василий Шуйский».

Почти все действующие лица трагедии – исторические личности: Василий Шуйский, царь Российский, его жена Мария, брат Димитрий Шуйский, Екатерина, жена Димитрия Шуйского, Михаил Скопин-Шуйский, племянник царя, предводитель войска российского, Иаков Делгарди, союзный

шведский полководец, начальники заговора – князь Воротынский и Засекин, Захарий Ляпунов. Вымышленными персонажами являются Анна (приближенная Марии), Ольга (невеста Михаила) и мать Ольги.

В трагедии Станкевича представлены почти все слои общества XVII века: царь, бояре, дворяне, воевода, иностранный союзник, простой народ. Среди действующих лиц нет представителей духовенства, но имена духовных особ (Филарета и Гермогена) упоминаются на совете заговорщиков. Станкевич указывает место действия («Василия Шуйского» – Москва. Время действия (не указанное автором) можно определить, руководствуясь вышеназванным списком действующих лиц: начало XVII века, так называемое Смутное время.

Центральная фигура трагедии Станкевича – Василий Шуйский. Монологи Василия Шуйского, изображающие его как идеального царя, носителя гражданских и семейных добродетелей, выступают доминирующими в его характеристике. В словах Василия Шуйского заключена определенная политическая программа, в которой представлен идеал мудрого, добродетельного и справедливого монарха.

«Советчиком» царя выступает его родной брат, Дмитрий Шуйский, который, по словам Н.М. Карамзина, «отличался единственно величавостью и спесию» [2, с. 46], был «духом слабый, сердцем жестокий, был первым наущником и первым клеветником» [2, с. 125]. Именно таким предстает Дмитрий Шуйский в трагедии Станкевича. Дмитрий претендовал на престол, ссылаясь на родство с царем, сребристые седины» [5, с. 131]. Однако у него появился серьезный соперник в лице племянника, Михаила Скопина-Шуйского, которому народная любовь сулила царский венец. Дмитрий осенила, по его словам, «поистине благая мысль» [5, с. 132]: убедить своего царственного брата в том, что Михаил опасен. Захарий Ляпунов догадывается о его замысле: «Дмитрий! знаю, / Ужасна мысль твоя, ужасны средства, / Ужасен путь к блистающему трону!» [5, с. 132].

Дмитрий Шуйский, движущим мотивом поступков которого (и одновременно доминантной чертой характера) является честолюбие, начинает плести сеть заговора. С недавних пор он, по словам жены, стал диким, мрачным, безмолвным, тревожным. Иногда в его доме ночью собирались люди, и тогда начинался «жаркий разговор, / Советы тайные и длинный спор» [5, с. 138]. Дмитрий, всегда изливавший, по его признанию, свою душу жене, открывает ей свой преступный замысел избавиться от Михаила.

Этот замысел он осуществляет руками своей жены. Однако после смерти племянника он раскаивается в содеянном: «Повсюду месть небес, везде укору! / Покая нет, несносны люди мне:

/ Их лезть, их подозрительные взоры / Убийственны; страшусь наедине, / И в душу трепет адский проникает: / Мне кажется, везде следят за мной, / И чужды мне отрада и покой» [5, с. 166]. Его последний монолог – самобичевание, проклятие самому себе. Вина в гибели троих людей (Михаила, Ольги и Екатерины) он сам осуждает себя: «Я предатель, / Убийца, проклят небом и землей!» [5, с. 67]. Лукавый и властолюбивый Дмитрий Шуйский представляет собой в произведении Станкевича традиционный для классицистической трагедии тип злодея, из-за происков которого гибнет положительный герой.

Главным героическим персонажем трагедии Станкевича, безусловно, является Михаил Скопин-Шуйский, князь, выдающийся полководец, назначенный после воцарения Василия Шуйского воеводой.

В полном соответствии с исторической достоверностью Михаил Скопин-Шуйский предстает в трагедии Станкевича истинным патриотом, гением военного дела, спасителем отчизны. Все персонажи трагедии, в том числе Дмитрий Шуйский, завидовавший ратным подвигам своего племянника и видевший в нем опасного соперника, высоко превозносят Скопина-Шуйского, достойного сына России, бесстрашного, доблестного воина, а также подчеркивают его внутреннюю и наружную красоту.

Честному, бескорыстному и беззаветно преданному родине Михаилу Скопину-Шуйскому противопоставят заговорщики, которые, по словам С.И. Машинского, представлены в трагедии Станкевича «жалкими интриганам, предательски торгующими интересами родины» [3, с. 38]. Заговорщики не являют собой однородную массу: в их число входят дворяне, бояре, отдельные представители народа. Кроме того, в рядах заговорщиков нет единства.

Захарий Ляпунов, главный крамольник (как его называет Н.М. Карамзин), предлагает совету свернуть царя и с тушинскими боярами (сторонниками Лжедмитрия II) избрать нового царя, втайне надеясь, что изберут его самого. Отметим, что Ляпунов высказывает близкие автору трагедии мысли: «Несравненно счастлив тот, / Кто волей подданных на трон восходит, / Державною рукой благотворит / И подданных сердца в восторг приводит. / Ему все царство – твердый, верный щит / И поприще прекрасное для славы!» [5, с. 133]. Глава заговорщиков, движимый личной выгодой, завистливый и властолюбивый, выступает в то же время резонером, то есть своеобразным рупором авторской идеи (хотя, как правило, в трагедиях, где был выведен добродетельный и справедливый монарх, надобность в резонерах отпадала).

В борьбе за власть заговорщики, которых Василий Шуйский презрительно именуем хищни-

ками, разбойниками и изменниками, затемняют сознание народа ложью и клеветой. «Один из бояр» разоблачает лицемерных заговорщиков: «Вот так преступные невинных ослепляют, / Вот так приверженный к царям своим народ / Из низкой зависти и злобы развращают, / И он, закрыв глаза, на путь злодейств идет, / Прияв изменников презренных уверенья!» [5, с. 172]. Движимыми мотивами поступков заговорщиков в трагедии Станкевича являются своекорыстие и властолюбие. Однако действуют они, прикрываясь именем народа: «Исполним мы желания народа...» [5, с. 171]; «Тебя (то есть царя. – Е.Д.) низвел с престола твой народ» [5, с. 182]; «Народ... определил вам (то есть царю и царице. – Е.Д.) / Немедленно принять смиренный сан монахов» [5, с. 182].

Обратимся к женским образам трагедии Станкевича. Мария, жена Василия Шуйского, обрисована как скорбная царица, предчувствовавшая нависшую беду над своим царственным супругом и над всей страной. Мария рассказывает своей приближенной, Анне, что во сне (оказавшемся вещим) ей явился величественный старец со «сребристой брадой» [5, с. 152], похожий не то на Филарета, не то на Гермогена, и предсказал скорое падение царя и бедствие России, которой, впрочем, в дальнейшем суждено стать великой державой. Царица – «русская душой» [5, с. 153], поэтому ей будет «больно видеть, / Как родина низвергнется во прах» [5, с. 153]. Как и Василий Шуйский, она молит всевышнего защитить Россию и возвратит «протекшей славы дни!» [5, с. 154].

В ключевом монологе Марии, как мы уже отметили, представлено современное состояние России. Царицу страшит, что «ложные и хищные друзья / Между царем и подданными сеют / Зловредный и губительный раздор» [5, с. 154], ибо это может угрожать власти Василия Шуйского. Мария, которую супруг называет своим ангелом-утешителем, готова смиренно принять свой жребий и стать монахиней. Она предстает достойной женой российского царя, радеющей о благе подданных и заботящейся о судьбе России.

Екатерина Шуйская, жена Дмитрия Шуйского, предстает в трагедии Станкевича героиней, безответно влюбленной в Михаила Скопина-Шуйского. Историческая княгиня Екатерина – вторая дочь Малюты Скуратова, того, кто, по словам Н.М. Карамзина, «жил смертоубийствами» [2, с. 126]. Некоторые историки полагают, что Екатерина Шуйская, судя по всему, мечтала повторить успех своей старшей сестры – жены Бориса Годунова (то есть стать царицей), поэтому испытывала сильнейшую ненависть к Михаилу Скопину-Шуйскому, опасному претенденту на престол.

Екатерина Шуйская в трагедии Станкевича, как и историческая Екатерина Шуйская (дочью дочь своего отца и тезка известной отра-

вительницы Екатерины Медичи), отравляет Михаила. Однако ею движет не ненависть и зависть, а месть за отвергнутую любовь. Вымышленная любовная интрига (княгиня Екатерина – Михаил) выступает неразрывно связанной с подготавливаемым Дмитрием Шуйским заговором против талантливого военачальника.

Примечательно, что мировосприятие Екатерины Шуйской идентично мировосприятию лирического героя Станкевича: по ее признанию, в дни юности ее душа была «полна восторгов чистых, светлых дум, / Не сорисалась еще с враждебным светом, / Обманчивым, смешным и жалким, скучным» [5, с. 147]. В то время она еще не знала «убийственных страстей / И дни свои в покое прождала» [5, с. 147]. Но все изменилось с тех пор, как в ней зародилась любовь к Михаилу. Она потеряла покой и утратила ощущение гармонии бытия.

Когда Дмитрий Шуйский потребовал от нее в доказательство верности отравить Михаила, в ее душе (как в душе героинь классицистических трагедий) началась мучительная борьба между долгом и чувством. Она решает: «Взаимная любовь – или могила!» [5, с. 141]. Либо ее возлюбленный разделит ее любовь, либо погибнет. Она открывает свои чувства Михаилу, однако он отвергает ее «преступную любовь» [5, с. 149] и напоминает ей о супружеской верности. Неразделенная любовь толкает княгиню Екатерину на убийство. Совершив злодеяние, она понимает, что исполнилась ее «злосчастий мера» [5, с. 176], поэтому выпивает яд и умирает, проклиная своего мужа-злодея.

Екатерина Шуйская в трагедии Станкевича предстает типично романтической героиней, любящей «пылающей душой» [5, с. 149], презирающей «все людские предрассудки» [5, с. 143], открыто признающейся в своих чувствах и способной на решительные (даже преступные) поступки.

Вымышленным персонажем «Василия Шуйского» является Ольга, не имеющая, по выражению П.В. Анненкова, «другого прозвания» [1, с. 2]. Ольга – невеста Михаила. Однако известно, что к моменту изображаемых в трагедии событий исторический Михаил Скопин-Шуйский был женат на Анастасии Головиной, дочери казначея Василия Головина (их свадьба состоялась в январе 1608 года одновременно с царской свадьбой). Станкевич не мог этого не знать, ибо в «Истории» Н.М. Карамзина упоминается «воевода Головин, шурин Скопина» [2, с. 89]. Отметим еще одно расхождение Станкевича с исторической достоверностью: Ольга в его трагедии свободно общается со своим женихом. Вместе с тем в предисловии к своему роману «Дмитрий Самозванец» (с которым, как мы уже отметили выше, Станкевич был знаком) Ф.В. Булгарин писал, что в XVI – XVII

веках девушкам не позволялось выходить из своих светлиц и общаться с молодыми людьми, ибо это было несовместимо с законами девичьей чести.

В трагедии «Василий Шуйский» Ольга предстает пылкой, чистой, беззаветно влюбленной в Михаила героиней. Свою любовь к нему она называет сладчайшим, божественным чувством, которое «разлука, даль – не в силах истребить» [5, с. 135]. Для Михаила она, по его словам, – незримый гений, неизменно сопровождающий его «в толпе врагов, в огне, в пылу сражений» [5, с. 136]. Он признается в том, что любовь и верность Ольги вдохновляли его на ратные подвиги.

В сцене, когда влюбленные встречаются после долгой разлуки, острогимо влияние шекспировской драмы «Ромео и Джульетта». Как и юная Джульетта, Ольга останавливает своего возлюбленного, который клянется в вечной любви к ней: «Зачем напрасные, ужаснейшие клятвы? / Навешивать зачем без нужды цепи? / Кто любит и любим, живет любовью, / Уж тот себе в том клятву дал / И верностью себя навеки обязал» [5, с. 137].

Несмотря на радость от долгожданной встречи, Ольгу (как и Марию), мучает «предчувствие печальное» [5, с. 155]. Она уверена, что все предвещает беду: кричащие над домом «враны хищные» (как будто чующие добычу), а также влетевшая дважды в дом ласточка (по народной примете птица, залетевшая в дом, предвещает смерть кого-либо из близких людей). Ее предчувствия сбываются. Узнав о смерти Михаила, она краснеюк потеряла свой / И в волны бросилась» [5, с. 166]. Сама собой напрашивается аналогия: Ольга – Офелия. Ольга оплакивает погибшего возлюбленного, Офелия – отца, обе лишаются рассудка, обе тонут (правда, Офелия утонула случайно, в то время как Ольга сама бросилась в воду).

Ольга, как и Офелия, не смогла вынести свалившегося на нее горя. В своих безумных песнях она пытается найти утешение: «Себя я песнью утешаю; горесть / Моя тогда облегчена слезами / И мысли чище; я спою, хотите?» [5, с. 165]. Монологи Ольги, оплакивающей смерть своего жениха, нельзя назвать «плачами», ибо они не несут на себе печать фольклорного стиля (в отличие от песен Офелии).

Представляется вполне очевидным, что образ Ольги, пылкой, нежной, чистой, верной, с прекрасной и возвышенной душой, был навеян автору трагедии образами шекспировских героинь – Джульетты и Офелии.

Завершая анализ образной системы «Василия Шуйского», сделаем общий вывод об особенностях характеров персонажей. Характерам персонажей трагедии Станкевича не хватает жизненности и полнокровности. Кроме того, в «Василии Шуйском» сохраняется традиционное для клас-

сическй трагедии деление персонажей на героев (Василий Шуйский, Михаил Скопин-Шуйский) и злодеев (Димитрий Шуйский, князя Воротынский и Засекин, Захарий Ляпунов).

Образы трагедии в значительной степени условны, в их основе (как и в основе образов классицистических трагедий) лежит определенная доминантная черта человеческого характера («страсть»). Так, определяющим в характере Василия Шуйского является его стремление сделать счастливым свой народ, в характере Михаила Скопина-Шуйского – патриотизм, Димитрия Шуйского – честолюбие. Персонажи Станкевича характеризуются не столько цельностью, сколько однолинейностью, схематичностью. Подобно озеровским героям, его герои лишены внутреннего драматизма, они статичны, ибо остаются неизменными на протяжении всей трагедии (несмотря на то, что Димитрий Шуйский раскаивается в содеянном, он все же остается злодеем; кроме того, его раскаяние не изменяет фабульной ситуации).

Для психологической мотивировки высказываний и действий персонажей в трагедии Станкевича, как и в трагедии классицизма, задействованы фигуры наперсников («конфидентов»), персонажей, которые не имеют собственной роли в фабульном действии. Они вводятся автором исключительно для оправдания длинных сообщений главных персонажей о своих чувствах, намерениях и мыслях. Функция наперсников (наперсниц) состоит в том, чтобы выслушивать героя и репликами направлять его речи. Для Марии наперсницей является ее приближенная Анна, для Ольги – ее мать. Функцию наперсников выполняют также Димитрий Шуйский по отношению к Василию Шуйскому и Делгарди по отношению к Михаилу Скопину-Шуйскому.

К трагедии «Василий Шуйский» вполне применимо высказывание М.Я. Полякова о романе Ф.В. Булгарина «Димитрий Самозванец» (под впечатлением от этого романа Станкевич, как уже отмечалось выше, писал свою трагедию): «Сохраняется сюжетный остов исторических фактов, но наполняется он модернизированными и морализированными ситуациями и типами» [4, с. 83]. Так, Василий Шуйский, русский царь начала XVII века, произносит политические сентенции, в основу которых положена концепция просвещенного абсолютизма, зародившаяся в XVIII веке. Михаил Скопин-Шуйский, русский воевода начала XVII века, в своих монологах высказывает сентиментально-нежные чувства, льет слезы, на возвышенном языке романтиков-идеалистов первой трети XIX века рассуждает о гражданском долге и воинской чести. Образ мыслей Екатерины Шуйской, русской княгини начала XVII века, оказывается близок образу мыслей вышеупомянутых романтиков-идеалистов.

Изображение характеров трагедии (как в классицистических и романтических трагедиях) строится на гиперболе. Подобно сумароковским персонажам, герои Станкевича часто выступают с самохарактеристикой. Вслед за В.А. Озеровым, испытавшим влияние идей предромантизма, Станкевич создает тип «чувствительной» личности (Василий Шуйский, Михаил Скопин-Шуйский, Екатерина Шуйская, Мария, Ольга), а также не забывает об историческом правдоподобию своих героев. Подобно персонажам классицистических и романтических трагедий, герои трагедии Станкевича изображены не в полном соответствии с реальными историческими характерами. Кроме того, они лишены бытовых черт, конкретного описания.

Существенным является тот факт, что в характере главных героев трагедии был сохранен карамзинский психологический рисунок, не соответствующий исторической достоверности. В исторической трагедии Н.В. Станкевича «Василий Шуйский» не были воссозданы образ мыслей, миропонимание и мироощущение, характерные для

людей начала XVII века. Такая постановка вопроса об историзме впервые была выдвинута Пушкиным и писателями декабристского направления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков П.В. Биография Николая Владимировича Станкевича / П.В. Анненков. // Станкевич Н.В. Переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым. – М.: Типогр. Каткова и К^о, 1857. – С. 1 – 237.
2. Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842 – 1844 годов: В 3 кн. / Н.М. Карамзин. – М.: Книга, 1989. – Кн. 3 – Т. XII. – 200 с.
3. Машинский С.И. Кружок Н.В. Станкевича и его поэты / С.И. Машинский. // Поэты кружка Н.В. Станкевича. – М. – Л.: Сов. писатель, 1964. – С. 5 – 70.
4. Поляков М.Я. В кружке Станкевича // Белинский в Москве. 1829 – 1839. / М.Я. Поляков. – М.: Моск. рабочий, 1948. – С. 73 – 90.
5. Поэты кружка Н.В. Станкевича. – М. – Л.: Сов. писатель, 1964. – 617 с.